

О. С. Шурупова

Языковая личность Вадима Зацырко из повести А. И. Солженицына «Раковый корпус»

Статья выполнена в рамках лингвоперсоналогии, с учетом новейших исследований, посвященных языковой личности. Актуальность исследования объясняется необходимостью создания речевых портретов персонажей ключевых произведений отечественной литературы. Целью данной работы стало создание речевого портрета героя повести А.И. Солженицына «Раковый корпус» Вадима Зацырко, молодого ученого, взгляды которого во многом совпадают с позицией наших современников, занимающихся наукой, и потому исследование этого персонажа особенно злободневно. Объект исследования – языковые особенности текста, предметом исследования являются речевые и коммуникативные особенности персонажа повести. Для достижения цели исследования использованы методы анализа текста, в том числе описательный метод, метод компонентного анализа. В статье выявлены слова, получающие в лексиконе персонажа положительную (термины) и негативную (слова христианской тематики) оценку, описана роль оценочных определений, слов с оценочными суффиксами и такого знака препинания, как тире, в создании его речевого портрета. Отмечено, что ярким средством создания художественного образа являются штампы и разговорно-просторечные слова, выражающие пренебрежительное отношение персонажа к людям, в том числе к своей невесте и соседям по палате. Выявлены случаи использования Вадимом слов с разными значениями в качестве контекстных синонимов. Подвергнуты анализу читательские пристрастия персонажа и его цитатный фонд, что позволило сделать вывод о невежественности героя в области художественной литературы. При этом языковая личность Вадима склонна к доминантности в коммуникативном поведении. Результаты исследования позволяют утверждать, что с помощью дискурса персонажа А.И. Солженицын раскрывает внутренний мир персонажа и демонстрирует его жизненную позицию. Результаты могут быть применены в исследованиях художественного образа как языковой личности. Сделаны выводы о глубоком духовном недуге Вадима Зацырко, который проявляется в том, что слова, которые обозначают положительно оцениваемые с точки зрения русской культуры явления, приобретают в речи героя негативную окраску, тогда как слова «бес», «выстрелить», «вспыхнуть» и т.д. он употребляет, размышляя о себе самом, что свидетельствует о процессе «обездушивания» и овеществления персонажа. Намечены перспективы дальнейшего исследования.

Ключевые слова: языковая личность, несобственно-прямая речь, интериоризированная речь, речевой портрет персонажа, «Раковый корпус» А.И. Солженицына, Вадим Зацырко, оценочные определения, штампы, использование тире, доминантное речевое поведение.

Для цитирования: Шурупова О.С. Языковая личность Вадима Зацырко из повести А.И. Солженицына «Раковый корпус» / Шурупова О.С. // Art Logos (искусство слова). – 2022. – № 3. – С. 99–115. DOI 10.35231/25419803_2022_3_99

Создание речевого портрета личности позволяет выявить те или иные особенности ее коммуникативного поведения, а также проследить, как социальный опыт влияет на становление речевых способностей человека. Однако результаты современных исследований языковой личности можно использовать в процессе анализа художественного текста. Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена как высоким интересом современной науки о языке к феномену языковой личности, так и необходимостью создания речевых портретов персонажей ключевых произведений отечественной литературы.

В пределах данной статьи представляется интересным описать языковые способы создания А.И. Солженицыным художественного образа молодого ученого Вадима Зацырко и выявить, как ключевые особенности его характера и мировоззрения проявляются в речи персонажа и в его способности к коммуникации. Задачи нашего исследования связаны с анализом как дискурса Вадима, так и его интериоризированной речи, когда «само изображение действительности (явлений, событий, картин) дается как бы сквозь призму восприятия героя» [7, с. 34]. Научная новизна статьи связана с обращением к языковой личности персонажа, ранее не подвергавшейся систематическому изучению.

Изучение художественного образа как языковой личности, которое берет свое начало в работах В.В. Виноградова [1], не только не утратило актуальности, но, напротив, должно быть продолжено с учетом современных исследований. Изучение данного феномена в работах Ю.Н. Караулова, С.Г. Воркачева, В.И. Карасика, К.Ф. Седова открыло новые перспективы развития науки о языке. Так, Ю.Н. Караулов по праву считается основателем лингвоперсонологии, или науки о языковой личности. Его книга «Русский язык и языковая личность» [7] является фундаментальным трудом, на который так или иначе опираются все ученые, исследующие языковое поведение человека. В свою очередь, сам термин «лингвоперсонология» введен в научный оборот В.П. Нерознаком [13]. С.Г. Воркачев заявил, что «языковая личность – базовая категория лингвокультурологии, отражающая ментальность и менталитет обобщенного носителя

естественного языка и предоставляющая этой научной дисциплине исследовательский инструмент для воссоздания прототипического образа “человека говорящего» [2, с. 70].

Представители Саратовской лингвистической школы подвергли исследованию языковые личности представителей различных профессий. Так, К.Ф. Седовым созданы речевые портреты выпускниц филологического факультета вуза, имеющих отношение к преподаванию [17]. В.Я. Парсамова описывает коммуникативное поведение ученого на основе его эпистолярного наследия [14].

В Пятигорске и Ростове-на-Дону появился ряд работ, посвященных исследованию коммуникативного поведения актеров [9], учителей [8], журналистов [10], политиков [187] и т.д.

Видным волгоградским ученым В.И. Карасиком создана галерея лингвокультурных типажей, то есть «узнаваемых образов представителей определенной культуры» [7, с. 179]. Он описал типажи «русский интеллигент», «русский купец», «русский чиновник», а также «английский чудак» и «американский супермен». Именно на его труды можно опираться в процессе исследования языковой личности персонажей литературных текстов.

В данной работе целесообразно обратиться и к трудам яркого представителя Липецкой лингвистической школы Е.А. Поповой в области лингвистики нарратива, в которых описываются различные типы повествования, в том числе особенности несобственно-прямой речи, которая используется и в повести А.И. Солженицына [15]. Особенности повествования могут быть использованы в процессе анализа языкового поведения персонажа текста.

Представители Липецкой языковой школы предпринимают попытки как воссоздания языковой личности реальных носителей языка [21], так и создания речевых портретов героев художественных текстов [20].

Материалом данного исследования послужила повесть А.И. Солженицына «Раковый корпус». Объект исследования – языковые особенности повести, предметом исследования являются речевые и коммуникативные особенности персонажа повести Вадима Зацырко. Для достижения цели

и решения задач исследования использованы методы анализа текста, в том числе описательный метод, метод компонентного анализа.

Впервые читатель видит Вадима глазами другого персонажа текста, Демки, который из уважения к планам Вадима читать «все время» [19, с. 98] уступает ему койку у окна. Демке этот «темно-загоревший молодой человек со смоляными опрятными волосами» [19, с. 98] кажется совсем взрослым, ведь ему «лет... наверно, уже двадцать со многим» [19, с. 98]. И именно в беседе с Демкой этот взрослый, уверенный, красивый человек раскрывается, казалось бы, с самой благоприятной стороны: он утешает подростка, который боится операции, объясняя, что и после ампутации ноги тот сможет учиться и работать. Впрочем, этот персонаж не намерен тратить время на пустые разговоры и не слишком жалеет собеседников. Так, на слова Демки о том, что ногу могут отрезать по колено, а то и выше, Вадим коротко заявляет: «Протез сделаешь» [19, с. 158], а рассказав собеседнику о своей беде, «шлепает» его по плечу: «Ну, иди к себе. Работать надо» [19, с. 160]. Вадим строит относительно короткие, рубленые фразы, нередко используя односоставные или неполные предложения. Так, на замечание Поддубева он отзывается целой россыпью подобных фраз: «А я как раз знаю! Творчеством! И очень помогает. Ни есть, ни пить не надо... Не для нашего века. Слишком бесформенно, неэнергично. А по-нашему: работайте больше! И не в свой карман. Вот и все» [19, с. 160]. Его речь показывает, что этот герой словно торопится жить, и он сам признается в этом: «Для меня весь вопрос сейчас – что я успею сделать. Надо же успеть что-то сделать на земле!» [19, с. 159].

Что же хочет сделать Вадим? Уже в первом своем диалоге с обитателями палаты он дает четыре похожих, но в то же время разных ответа на вопрос о смысле жизни. Демке он с уверенностью заявляет, что смысл жизни – «больше сделать в науке», а «кроме науки – что вообще?» [19, с. 157]. Далее он добавляет, что его жизни «весь смыл – только в движении» [19, с. 158]. Ефрему, который призывает его задуматься, чем люди живы, Вадим объясняет: «Творчеством». А затем утверждает, что человеку надо «работать больше и не в свой

карман» [19, с. 160]. С одной стороны, юноша говорит об одном и том же – светлом труде во имя науки, которая способна так захватить человека, что «ни пить, ни есть не надо» [19, с. 160]. Слова «движение», «научная работа», «творчество» в его речи являются контекстными синонимами. Однако с другой – Вадим, «с большой быстротой» отвечающий на вопросы соседей по палате, смешивает разные понятия, не стремясь прислушаться к собеседнику, задуматься над его словами и, быть может, глубже осознать, что именно он сам понимает под творчеством.

Молодой, обладающий балетной фигурой Вадим не похож на кабинетного ученого, и его речь далека от академичности. Особенностью его коммуникативного поведения является прямолинейность в оценках, облакаемая нередко в грубоватую форму. Персонаж часто использует разговорные обороты и даже просторечные слова: «В поле завертелся» [19, с. 158]; «Еще досюда книжку прочел. Прочел – тогда и схватился» [19, с. 158]; «Меланобластома – такая гадина» [19, с. 158]. Он общителен, легко входит в контакт с незнакомыми прежде соседями по палате, способен поддерживать и развивать взаимодействие в рамках информативного общения. Так, даже объясняя Демке сущность своей научной идеи о поиске полиметаллических руд, Вадим, несмотря на обильное использование терминов («быть в поле», «радиоактивные воды», «вакуум-насос», «центробежный насос», «коллоидное золото»), смысл которых геолог не объясняет, поскольку для него явления, о которых он говорит, – часть жизни, настолько привычная и понятная, что он не видит необходимости растолковать мальчику значение своих слов, говорит очень живо и искренне. Он словно читает подростку лекцию, задавая риторические вопросы, на которые сам тут же дает ответы: «Эс-а? Тогда надо оперировать» [19, с. 158], «... Надо воздух вытянуть. Чем? Ртом» [19, с. 159], «Да имея меланобластома – что мне бояться радиоактивности? Как раз мне-то и работать» [19, с. 159]. В такой манере Вадим общается и с другими людьми, даже совершенно незнакомой ему Авиетой: «А для чего литература? Литература – чтобы развлечь нас, когда у нас настроение плохое» [19, с. 227].

В то же время Вадим не владеет нормами светского общения, которое, по его мнению, сводится к пустой болтовне. Выражая свое мнение по тому или иному вопросу, молодой ученый высказывается крайне безапелляционно. Так, он уверенно упрекает книгу Толстого в бесформенности и неэнергичности, ведь сам ученый, как показывает его речь, крайне энергичен и твердо знает, чего хочет от жизни. Вадим несколько не сомневается в собственной правоте и не пытается щадить чувства собеседников. Так, Авиете он с обидной уверенностью сообщает, что «эротический момент» в книгах «лишний», ведь «возбуждающее в аптеках продают» [19, с. 227], а Костоглотова поучает: «И жить не надо, легко узнать. Почитайте Салтыкова-Щедрина, других пособий и не потребуется» [19, с. 318] (интересно, что ученый не считает нужным изучить историю по более научным источникам, чем художественные тексты).

Описывая языковую личность Вадима, нельзя не отметить его читательские вкусы. Он резко отвергает и чрезмерно морального и неэнергичного Л.Н. Толстого, и Рабле, которого «прочтешь – одна похабщина, потерянное время» [19, с. 227]. А «печатное слово», по мнению юноши, не предназначено «щекотать страсти» [19, с. 227] или, иными словами, пробуждать чувства, в том числе чувства любви, милосердия, сострадания. Цитатный фонд языкового сознания Вадима не отличается разнообразием: он читает либо научные монографии и учебники, либо газеты. Роль литературы, по его мнению, – создавать соответствующее настроение: либо обличать, как Салтыков-Щедрин, либо ободрять, как однообразные романы «Горы в цвету», «Земля в цвету», «Молодость с нами», принесенные в палату Авиетой. Авторы этих книг остаются неназванными, поскольку их безликие творения изготовлены по одному и тому же «бодрому» шаблону. Впрочем, Вадим вспоминает еще одного автора – Лермонтова, однако для него интересны не стихи великого поэта, а его внешность (Вадим считает себя немного похожим на Лермонтова) и его ранняя смерть. Лермонтову удалось «врезать себя в нашу память» [19, с. 198] – и Вадиму хочется того же. Он хотел бы «остаться в памяти людей навсегда молодым», «сиять вечно» [19, с. 198]. И об этом стремлении

не только к принесению человечеству пользы, но и к собственной славе, к признанию читатель узнает из девятнадцатой главы, повествование которой представляет собой несобственно-прямую речь. По замечанию Е.А. Поповой, подобное «нетрадиционное повествование (несобственно-прямой дискурс) с неперсонифицированным повествователем, который, зная все, своего всезнания не показывает, а, напротив, старается быть незаметным, «пропускает» на передний план героя... лидирует в литературе XX–XXI вв.» [15, с. 224], в текстах, авторы которых особенно глубоко проникают в психологию человека, раскрывают его духовную сущность. С помощью интериоризированной речи Вадима А.И. Солженицын дает читателям возможность постичь его внутренний мир. Девятнадцатая глава, в начале которой создается своеобразный внутренний монолог героя, вспоминающего всю свою короткую жизнь и дающего оценки соседям по палате, носит название «Скорость, близкая свету». На огромной скорости Вадим несся по жизни, пока опухоль не «подрезала его в самую важную минуту» [19, с. 196], и автор позволяет нам не только перебрать вместе с Вадимом события его жизни, стремительно сменявшие друг друга, но и осмыслить его отношение к ним. Среди признаков подобного нарратива Е.А. Попова выделяет отсутствие кавычек, употребление местоимений и глаголов от лица повествователя, оформление несобственно-прямой речи как самостоятельного предложения. В то же время несобственно-прямой нарратив призван отражать особенности персонажа, манеру его речи, его эмоции. По мнению Ю.Н. Караулова, «лексическое наполнение такой интериоризированной речи оказывается весьма характерным, причем в ней обязательно присутствует разговорность интонации» [7, с. 34].

Так, в этой главе появляется нежное слово «мама». Читатель уже встречал упоминание о ней в главе, посвященной тяжелым будням доктора Донцовой, которая получила от своей давней подруги Анны Зацырко телеграмму с просьбой оказать сыну дружеское внимание и написать матери, что с ним. Но для Вадима эта женщина – именно мама, которая не чаёт души в своем талантливом сыне, которой «теперь уже не жизнь... Мама сделает все, и больше, чем все,

она даже лишнее сделает» [19, с. 195]. Возвращаясь мыслями в детство, Вадим вспоминает и отца, и школьные годы, и институт. Однако в этих воспоминаниях уже нет нежности, лишь досада: столько времени потеряно впустую, на ненужные разговоры, никчемные походы в магазин, скучные лекции учителей. В речи Вадима здесь появляется довольно много оценочных определений, выраженных качественными прилагательными: многие книги кажутся ему «водянистыми», фильмы – «глупыми», окружение в палате – «ничтожным», разговоры с соседями – «дурацкими» и даже язык речей любимого Сталина – «пресен». Не менее иронично он оценивает и действия ближних: гости его родителей «болтали», а его учителя постоянно «нудили», «размазывали», «комкали» (эти глаголы, носящие разговорно-просторечный характер, демонстрируют неуважительное, снисходительное отношение к старшим, которое Вадим проявлял уже в детстве). Столь же скептически он настроен и по отношению к начальнику своей экспедиции: тот, по мысли Вадима, «скрипел» по поводу научных занятий Вадима. Более того, даже московские профессора во главе с великим Черегородцевым (мы так и не узнаем имени и отчества этого человека, поскольку Вадим мысленно называет его только по фамилии) заслуживают несколько высокомерного отношения: Черегородцев «насыпал» возражения, целый московский институт «топчется» около идеи. Да и рассуждая о маме, Вадим как бы неожиданно проговаривается: «если бы она ничего полезного больше в жизни не сделала – вырастить таких троих сыновей оправдывало жизнь женщины» [19, с. 194]. Очевидно, женщины для молодого ученого – существа не первого сорта, ведь и свою невесту он небрежно именует Галкой и рассуждает, что ей «он уже достанется мало» [19, с. 201], словно юноша, за которого она мечтает выйти замуж, для нее не любимый человек, а некий ценный приз. Сам же Вадим гордо рассуждает, что ему не следует отвлекаться «на девок» [19, с. 201]. Впрочем, чуть позже, придя в отчаяние, он мысленно назовет ее Галей – страдание делает его ласковее.

Зато себя самого и свои качества Вадим оценивает высоко. Он «собранный», «гордый», «вежливый», с «лощеной

выдержкой» [19, с. 235], он «во всем... справедлив и ровен» [19, с. 235]. Он черпает удовольствие в том, что держится мужественно, не как другие.

Особый динамизм придает речи Вадима частое использование тире. На протяжении семи страниц этой главы этот знак препинания встречается больше сорока раз. Он призван передать стремительность Вадима, его непрестанную спешку. Тире используется здесь в соответствии с различными правилами русского языка, но чаще всего оно выражает противопоставление («Не болезнь – змея» [19, с. 197]; «Любой сельсовет, любое почтовое сельское отделение могут быть закрыты... – и за двадцать пять километров этого никогда нельзя предвидеть» [19, с. 196]. Использование тире позволяет выразить глубокое противоречие между взглядами Вадима и жизнью, реальностью, которая его окружает («Чуть только игра ... начинала становиться тягучей – он не торчал с ними у ворот» [19, с. 196], «Если первые кадры фильма оказывались глупы... – он презревал потерянные деньги» [19, с. 196]). Вадим считает себя иным, чем все остальные, он ученый, которому дано вывести новую формулу: как плодотворно провести оставшиеся немногие месяцы, если его болезнь смертельна.

Свысока он оценивает и всех остальных в палате. Люди нравятся ему «с точки зрения тишины в первую очередь» [19, с. 199]: они делятся на симпатичных, славных, неназойливых, невранных (тех, кто говорит потише, если попросят), тихих и вежливых, а также на грубых крикунов (Костоглотов и Ефрем Поддуев). Необходимо отметить, что оценки Вадима совершенно не совпадают с оценками автора: для геолога положительным является Русанов, которого молодой ученый считает «честным работягой» [19, с. 200] с правильными суждениями. Суждения самого Вадима о людях во многом совпадают с русановскими и столь же отмечены присутствием газетных штампов: «Поддуев... раскис и поддался слащаво-идеалистическим штучкам» [19, с. 201], «...Язвами и гноем, который представляла вся предшествующая история России до семнадцатого года» [19, с. 318]. По убеждению Н. Галь, пристрастие к штампам – «окаянный и зловерный недуг нашей речи. Суший рак: разрастаются чужеродные,

губительные клетки – постылые штампы, которые не несут ни мысли, ни чувства, ни на грош информации, а лишь забивают и угнетают живое, полезное ядро» [3, с. 24]. Штампы в речи Вадима Зацырко, как и в речи Русанова, являются признаком духовного недуга, не менее опасного для героев повести, чем телесная болезнь, которая привела их в раковый корпус.

Отметим, что слова, тематически связанные с христианством, для Вадима обладают резко негативной оценочностью: «Вадим терпеть не мог... разжижающие басенки о смирении и любви к ближнему» [19, с. 201]. По его мнению, наука далека от нравственных ценностей. Когда он рассуждает о христианских добродетелях, в его внутреннем монологе сразу появляется большое количество слов с выражающими пренебрежительную оценку суффиксами: «басенок», «правденка». Все религиозное, по мнению Вадима – «мяклое» [19, с. 235]. Евангельская истина о том, что душу надо отдать за ближнего своего, чужда Вадиму – он себя тоже «обрек отдать... сразу всем народу», разжавшись, «как выстрел» [19, с. 201]. Это достаточно странное сравнение, ведь вряд ли кому-то может принести пользу направленный в него выстрел, но Вадиму оно представляется вполне приемлемым. Он хотел бы умереть «вспыхнувшим», «разрядившимся» [19, с. 295]. А страдание меняет его так, что он «почему-то в себе не чувствует обычного пружинного импульса» и действует «старым заводом» [19, с. 296]. Таким образом, сам Вадим неоднократно рассуждает о себе как о машине, о некоем аппарате, который должен бесперебойно работать. Налицо, как мог бы сказать И.А. Есаулов, «овнешнение героя», «тотальное обездушивание» [5, с. 454] и превращение живого человека в механизм.

Представляется интересным обратиться и к исследованию И.А. Есаулова, посвященному советской литературе. Ученый утверждает, что у нее имелся религиозный вектор, связанный с «обезличиванием человека», то есть «забвением им Божественного образа (лика) в себе» [4, с. 351]. По наблюдению исследователя, ««огонь» и «дым» – естественная среда для нового мира» [4, с. 360], и рассуждения Вадима о том, как умереть «вспыхнувшим», и его воспоминания о «нака-

ленном» разговоре с Черегородцевым далеко не безобидны. Важно, что во внутреннем монологе героя встречается слово «бес» и однокоренной глагол «бесить»: «Его бесило...» [19, с. 196], «Этот бес – неутолимая жажда времени, и без отца сидел в нем с малых лет» [19, с. 196]. С христианской точки зрения Вадим, сын преданного сталинским заветам коммуниста, который и «заронил в нем жадность на время» [19, с. 196], с детства одержим бесом. С этой точки зрения его телесный недуг – логичное продолжение недуга духовного, подтачивающего душу человека еще с детства.

Интересно, что если здоровый и погруженный в науку Вадим уподобляется бездушной машине, роботу, который «не испытал за двадцать шесть лет... ощущения более наполняющего, насыщающего и стройного, чем ощущение времени, проводимого с пользой» [19, с. 199], то есть не изведаль ни дружбы, ни любви, ни радости, то смертельная болезнь «оживляет» его, поскольку в его интериоризированной речи появляются сравнения уже не с бездушными механизмами, а с животными. В начале недуга он сопоставляет себя с «телом, несущимся с предсветовой скоростью» [19, с. 198], а через некоторое время – то с горным козлом, то со зверем, попавшим в капкан, то с «цаплей из сказки» [19, с. 296]. Страшная болезнь словно дает ему возможность «ожить».

Можно констатировать, что убеждения Вадима Зацырко не спасают его от уныния и страха смерти. И хотя он чувствует в них некую ложь, например, ему не нравятся речи Сталина, которого отец боготворил, юноша, тем не менее, не смеет говорить об этом вслух, ибо «цельнее чувствует себя, когда исповедует восхищение, возвращенное с детства» [19, с. 244]. «Великий Покойник» (так мысленно называет его Вадим) «возвысил ученых, освободил их от мелких мыслей о зарплате, о квартире», а главное «от дрязг по устройству общества, воспитания недоразвитых, убеждения глупцов» [19, с. 244]. Таковы взгляды Вадима на роль ученого – он должен заниматься наукой – и только. Устройство общества, о котором задумывались еще античные философы, для него дрязги, преподавание – трата времени на недоразвитых, а просвещение, о котором пеклись умы XVIII и XIX столетий, – пустое убеждение глупцов, недостойных внимания

ученого. Сознание этого юноши, как показывает его речевой портрет, полностью извращено. Если для русского интеллигента, по мнению В.И. Карасика, характерно «уважительное отношение к другим людям», «вежливость, предупредительность и мягкость в общении» [6, с. 199], то ученого Зацырко нельзя отнести к данному лингвокультурному типу.

Можно отметить, что, говоря о собственном мнении, Вадим нередко прибегает к местоимению «мы»: «Мы не роботы. Мы ничего на веру не признаем» [19, с. 316], то есть делает заявления от имени целого поколения, однако поколение это, по справедливому замечанию А. Немзера, состоит еще и из Зои, Нэлли, Авиеты, Ахмаджана, то есть очень разных людей, не все из которых готовы разделить самонадеянные взгляды Вадима. Как жестко отмечает исследователь, «Вадим несет стопроцентную ахинею. Без сомнения, с чужого голоса... Хорохорясь друг перед другом, Авиета и Вадим одинаково равнодушны к литературе – любой. (Как и к жизни других людей, не входящих в их круги.)» [12, с. 164].

Интересно значение имени юноши: «в переводе с древнеславянского языка Вадим означает “имеющий привлекательность, зовущий, любимый”» [16], что, в целом, соответствует тому отношению к молодому, перспективному ученому, которого сам Вадим ждет от мира. Фамилию его можно толковать по-разному, однако нам представляется логичной ее связь с корнем «цирк», означающим «круг». Вадим не желает заглядывать за пределы того круга, в который сам себя заключил, бороться с идолами рода, пещеры, театра и рынка, о которых говорит другой персонаж повести, – Шулубин. Ему уютно в глухом кругу своих убеждений, научных истин и затверженных с детства шаблонных фраз.

Однако болезнь неумолимо разрушает убеждения молодого ученого, казавшиеся столь твердыми и непоколебимыми. Еще вчера юноша рассуждал, как противен ему блат – но вскоре он окончательно противопоставляет себя всем остальным, оттого что «не знали ни окружающие, ни лечащие, ни держащие в руках спасение, насколько было ему важнее выжить, чем всем другим!» [19, с. 295].

После погружения во внутреннюю мир Вадима посредством анализа его интериоризированной речи появля-

ется возможность вновь стать свидетелями его диалога с Шулубиным, который тоже является ученым и спрашивает с любопытством: «А вы уверены, что вы себя не изморяете?» [19, с. 296]. Отвечая на этот вопрос, Вадим формулирует свою жизненную позицию: «Это – интересно» [19, с. 296], однако Шулубин объявляет, что при таком отношении «наука не вышится над длинным рядом эгоистичных и совершенно безнравственных занятий» [19, с. 296]. Думается, трагедия Вадима заключается именно в том, что он, несмотря на свой талант, на способность к научному анализу фактов, мыслит, не выходя из круга раз и навсегда усвоенных штампов, даже не пытаясь понять своих собеседников или испытать к ним сочувствие. Казалось бы, он и Русанов – абсолютно разные люди, однако у них сходные взгляды на многое в жизни. Х. Мучник называет Русанова «жадным, самодовольным маленьким человеком» [11, с. 561], но Вадим, несмотря на свою ученость и избранность, во многом сближается с этим персонажем. Как Русанову нестерпима сама мысль о том, что он вынужден лежать в общей палате, так и Вадим считает себя избранным, особенным, полагает, что он выше других людей и вправе выносить обо всем собственные суждения. Не имея ни фронтового, ни лагерного опыта, он, например, заносчиво упрекает Костоглотова в том, что тот «не боролся» [19, с. 295]. Более того, он «не умел и не любил... утешать» [19, с. 235]. А не испытывая к ближним сострадания или хотя бы уважения, невозможно совершать ради них научные открытия.

Важно отметить, что синонимом научной работы для Вадима выступает движение. В связи с этим особенно символичен образ белки в колесе, которую Костоглотов видит в зоопарке. «Не было в клетке внешней силы, которая могла бы остановить колесо и спасти оттуда белку» [19, с. 388]. В жизни Вадима такая сила появляется. Это страшная болезнь, приведшая его в раковый корпус, столкнувшая с другими людьми и их устами призвавшая его задуматься о смысле жизни. Как говорит Шулубин, «мукой» можно заслужить «немного мысли» [19, с. 342]. Однако нельзя с уверенностью сказать, ждет ли Вадима прозрение. О нем сообщается лишь, что его перевели в другую, радиологическую, палату. Моло-

дой ученый, к сожалению, предстает в повести А.И. Солженицына как глубоко равнодушный к чужому мнению человек, детские коммуникативные навыки которого (усиленное штудирование учебников и речей Сталина в ущерб художественной литературе) сформировали языковую личность, наделенную богатыми коммуникативными возможностями, но склонную к доминантности в речевом поведении вплоть до нанесения обиды собеседнику. Устами Шулубина автор выносит приговор своему герою: не любя и не уважая ближнего, гонясь только за славой, он никогда «не создаст ничего нравственного» [19, с. 296]. Погоня за научными открытиями ради открытий делает жизнь ученого подобной бессмысленной беготне. Думается, история Вадима Зацырко может послужить суровым предостережением современным читателям повести, в особенности тем, кто посвящает себя науке.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в детальном изучении языковых личностей других персонажей повести «Раковый корпус», а также других текстов А.И. Солженицына и составлении их речевых портретов.

Список литературы

1. Виноградов В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
2. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
3. Галь Н. Слово живое и мертвое. – М.: Время, 2011. – 592 с.
4. Есаулов И.А. Русская классика: новое понимание. – СПб.: Издательство РХГА, 2017. – 550 с.
5. Есаулов И.А. Человек-вещь и христианское сознание // Постсоветские мифологии: структуры повседневности. – М.: Академика, 2015. – С. 445–458.
6. Карасик В.И. Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: ЛИБРОКОМ, 2019. – 264 с.
8. Ленец А.В. Прагмалингвистическая диагностика особенностей речевого поведения немецкого учителя: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 1999. – 16 с.
9. Ломова О.Е. Речевое поведение актеров в автобиографических текстах (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2004. – 19 с.
10. Мкртчян Т.Ю. Речевое поведение журналистов в политическом теле- и радиоинтервью (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2004. – 24 с.
11. Мучник Х. «Раковый корпус»: Судьба и вина // Солженицын: мыслитель, историк, художник. Западная критика 1974–2008: сборник статей. – М.: Русский путь, 2010. – С. 558–574.

12. Немзер А.С. Девять этюдов к монографии о повести «Раковый корпус» // Солженицынские тетради: Материал и исследования. Вып. 6. – М.: Русский путь, 2018. – С. 121–170.
13. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Сборник научных трудов Московского государственного лингвистического университета. – Выпуск № 426. Язык. Поэтика. Перевод. – М.: МГЛУ, 1996. – С. 112–116.
14. Парсамова В.Я. Языковая личность ученого в эпистолярных текстах (На материале писем Ю. М. Лотмана): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Саратов, 2004. – 223 с.
15. Попова Е.А. Литературная коммуникация как объект изучения лингвистики нарратива // *Philologos*. – 2008. – №1-2(4). – С. 218–228.
16. Происхождение, характеристика и значение имени Вадим. [Электронный ресурс]. – URL: <https://my-calend.ru/names/vadim> (дата обращения: 26.06.2022).
17. Седов К.Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика. – М.: Языки славянских культур, 2016. – 440 с.
18. Селиверстова Л.Н. Речевое поведение политических деятелей Германии XX века (на материале их публичных выступлений и мемуаров): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2004. – 16 с.
19. Солженицын А.И. Раковый корпус // Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. – М.: ИНКОМ НВ, 1991. – Т. 4. – 416 с.
20. Шурупова О.С. «Беспечный, счастливый человек» (опыт создания речевого портрета Русанова из повести А.И. Солженицына «Раковый корпус») // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. – 2020. – № 2(67). – С. 147–156.
21. Шурупова О.С., Арбузова В.Ю. Языковая личность Л.К. Чуковской (на материале эпистолярных текстов) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2021. – Т. 14. – № 7. – С. 2241–2246.

Olga S. Shurupova

The Linguistic Person of Vadim Zatsyrko from “Cancer Ward” by A. I. Solzhenitsyn

The article is made within the framework of linguistic personology, taking into consideration the latest research on the linguistic personality. The relevance of the study is explained by the need to create speech portraits of the characters of the key texts of Russian literature. The purpose of this article was to create a speech portrait of Vadim Zatsyrko from “Cancer Ward” by A.I. Solzhenitsyn, a young scientist whose views largely coincide with the position of our contemporaries involved in science, and therefore the study of this character is especially topical. The object of the study is the text linguistic features, and the subject of the study is the speech and communication features of the character of the story. To achieve the goal of the study, methods of text analysis were used, including the descriptive method as well as the method of component analysis. The article identifies words that receive positive (terms) and negative evaluations (words of Christian themes) in the character’s vocabulary, describes the role of evaluative suffixes and such a punctuation mark as a dash in creating his speech portrait. It is noted that a vivid means of creating an artistic image are clichés and colloquial words expressing the character’s disdain for people, including his bride and hospital roommates. Cases of Vadim’s use of words with different meanings as contextual synonyms are revealed. The reading habits of the character and his quotation fund were analyzed, which made it possible to conclude that the character is quite ignorant in the field of fiction. At the same time, Vadim’s linguistic personality is prone to dominance in communicative behavior. The results of the study allow us to state how A.I. Solzhenitsyn reveals the inner world

of the character with the help of his discourse and demonstrates his position in life. These results can be applied in the study of the artistic image as a linguistic personality. Conclusions are drawn about the deep spiritual illness of Vadim Zatsyrko, which manifests itself in the fact that the words that denote positively assessed phenomena from the point of view of Russian culture acquire a negative connotation in the character's speech, while he uses the words "demon", "shoot", "flare up", etc. while thinking about himself, which indicates the process of "losing the soul" and reification of the character. Prospects for further research are outlined.

Ключевые слова: linguistic personality; improperly direct speech; internalized speech; speech portrait of the character; "Cancer Ward" by A.I. Solzhenitsyn; Vadim Zatsyrko; evaluation definitions; clichés; use of a dash; dominant speech behavior.

For citation: Shurupova, O.S. (2022). YAzykovaya lichnost' Vadima Zacyrko iz povesti A.I. Solzhenitsyna «Rakovyyj korpus» [The linguistic person of Vadim Zatsyrko from «Cancer Ward» by A.I. Solzhenitsyn]. *Art Logos – The Art of Word*. No 3. pp. 99–115. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2022_3_99

References

1. Vinogradov, V.V. *Izbrannyye trudy: O yazyke khudozhestvennoy prozy* [Selected works: On the language of artistic prose]. Moscow: Nauka, 1980. 360 p. (In Russian).
2. Vorkachev, S.G. *Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', kontsept: stanovleniye antropotsentricheskoy paradigmy v yazykoznanii* [Linguoculturology, linguistic personality, concept: the formation of the anthropocentric paradigm in linguistics] *Filologicheskiye nauki* [Philological Sciences]. 2001. No. 1. Pp. 64–72. (In Russian).
3. Gal', N. *Slovo zhivoye i mertvoye* [The word living and dead]. Moscow: Vremya Publ., 2011. 592 p. (In Russian).
4. Esaulov, I.A. *Russkaya klassika: novoye ponimaniye* [Russian classics: a new understanding]. St. Petersburg: RKHGA Publishing House, 2017. 550 p. (In Russian).
5. Esaulov, I.A. *Chelovek-veshch' i khristianskoye soznaniye* [Man-Thing and Christian Consciousness] *Postsovetskoye mifologii: struktury povsednevnosti* [Post-Soviet Mythologies: Structures of Everyday Life]. Moscow: Academician Publ., 2015. Pp. 445–458. (In Russian).
6. Karasik, V.I. *YAzykovyye klyuchi* [Language keys]. Moscow: Gnosis, 2009. 406 p. (In Russian).
7. Karaulov, YU.N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow: LIBROKOM Publ., 2019. 264 p. (In Russian).
8. Lenets, A.V. *Pragmalingvisticheskaya diagnostika osobennostey rechevogo povedeniya nemetskogo uchitelya* [Pragmalinguistic diagnostics of the speech behavior of a German teacher: Abstract of the thesis... cand. philol. sciences]. Pyatigorsk, 1999. 16 p. (In Russian).
9. Lomova, O.E. *Rechevoye povedeniye akterov v avtobiograicheskikh tekstakh (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov) Rechevoye povedeniye akterov v avtobiograicheskikh tekstakh (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov)* [Speech Behavior of Actors in Autobiographical Texts (on the Material of Russian and German Languages): Abstract of the thesis... cand. philol. sciences]. Rostov-on-Don, 2004. 19 p. (In Russian).
10. Mkrtychyan, T.Yu. *Rechevoye povedeniye zhurnalistov v politicheskom tele- i radiointerv'yu (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov)* [Speech Behavior of Journalists in Political TV and Radio Interviews (on the Material of Russian and English Languages): Abstract of the thesis... cand. philol. sciences]. Rostov-on-Don, 2004, 24 p. (In Russian).
11. Muchnik, K.H. «Rakovyy korpus»: *Sud'ba i vina* ["Cancer Ward": Fate and Guilt]. Solzhenitsyn: *myslitel', istorik, khudozhnik. Zapadnaya kritika 1974–2008: Sbornik statey* [Solzhenitsyn: thinker, historian, artist. Western Criticism 1974–2008: Collection of articles]. Moscow: Russkiy put' Publ., 2010. Pp. 558–574. (In Russian).
12. Nemzer, A.S. *Devyat' etyudov k monografii o povesti «Rakovyy korpus»* [Nine studies for a monograph on the story "Cancer Ward"] *Solzhenitsynskiy tetrad: Material i issledovaniya* [Solzhenitsyn notebooks: Material and research]. Moscow: Russkiy put' Publ., 2018. Pp. 121–170 (In Russian).
13. Neroznak, V.P. *Lingvisticheskaya personologiya: k opredeleniyu statusa distsipliny* [Linguistic personology: towards determining the status of a discipline] *Sbornik nauchnykh trudov Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Vypusk №426. YAzyk. Poetika. Perevod*. [Collection of scientific works of the Moscow State Linguistic University. Issue No. 426. Language. Poetics. Translation]. Moscow: MGLU, 1996. Pp. 112–116. (In Russian).

14. Parsamova, V.Ya. *Yazykovaya lichnost' uchenogo v epistolyarnykh tekstakh (Na materiale pisem YU.M. Lotmana)* [The Linguistic Personality of a Scientist in Epistolary Texts (Based on the Letters of Yu. M. Lotman): Thesis... cand. philol. sciences: 10.02.01]. Saratov, 2004. 223 p. (In Russian).

15. Popova, E.A. *Literaturnaya kommunikatsiya kak ob"yekt izucheniya lingvistiki narrativa* [Literary Communication as an Object of Study of Narrative Linguistics] *Filologos* [Philologos]. No 1-2 (4). 2008. Pp. 218–228. (In Russian).

16. *Proiskhozhdeniye, kharakteristika i znacheniyе imeni Vadim* [Origin, characteristics and meaning of the name Vadim]. Electronic resource. URL: <https://my-calend.ru/names/vadim> (date of access: 06.26.2022).

17. Sedov, K.F. *Obshchaya i antropotsentricheskaya lingvistika* [General and anthropocentric linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2016. 440 p. (In Russian).

18. Seliverstova, L.N. *Rechevoye povedeniye politicheskikh deyateley Germanii KHKH veka (na materiale ikh publichnykh vystupleniy i memuaorov)* [Speech Behavior of Political Figures in Germany in the 20th Century (on the Material of Their Public Speeches and Memoirs). Abstract of the thesis... cand. philol. sciences]. Pyatigorsk, 2004. 16 p. (In Russian).

19. Solzhenitsyn, A.I. *Rakovyy korpus* [Cancer Ward]. *Maloye sobraniye sochineniy* [Small collected works]. Moscow: INCOM NV, 1991. Vol. 4. (In Russian).

20. Shurupova, O.S. «Bespечnyy, schastlivyy chelovek» (opyt sozdaniya rechevogo portreta Rusanova iz povesti A.I. Solzhenitsyna «Rakovyy korpus») [“Careless, happy man” (the experience of creating a speech portrait of Rusanov from A.I. Solzhenitsyn's story “Cancer Ward”)] *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Yesenina* [Bulletin of the Ryazan State University named after S.A. Yesenin]. 2020. No 2 (67). Pp. 147–156. (In Russian).

21. Shurupova, O.S., Arбузова, V.Yu. *Yazykovaya lichnost' L.K. Chukovskoy (na materiale epistolyarnykh tekstov)* [The linguistic personality of L.K. Chukovskaya (based on epistolary texts)] *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. 2021. Vol. 14. No. 7. Pp. 2241–2246. (In Russian).

дата получения: 18.07.2022 г.
дата принятия: 01.08.2022 г.

date of receiving: 18.07.2022
date of acceptance: 01.08.2022